

И. В. Ащеулова

Кемеровский государственный университет

Сюжет «Второе пришествие Христа» в романах В. Шарова

Рассматриваются наиболее репрезентативные романы В. Шарова, в которых сюжет о Втором пришествии Христа определяет поэтику и художественную историософию («Репетиции», «Мне ли не пожалеть...», «Воскрешение Лазаря»). Возможность прихода Христа в мир, наполненный до краев страданием и смертью, толкает людей на реализацию утопических проектов, способствующих иллюзорному изменению реальности и истории. Ожидая пришествия Христа, герои романов В. Шарова выстраивают коллективный (религиозная секта в «Репетициях», хор в «Мне ли не пожалеть...») или индивидуальный (Алексей Бальменов в «Мне ли не пожалеть...», братья Кульбарсовы в «Воскрешении Лазаря») диалог с Богом в надежде понять единый замысел бытия и собственное предназначение. В романах Шарова движущей силой истории является фанатичная вера народа в грядущий рай, созданный своими руками, собственными страданиями. Бог, услышав и увидев эти усилия, страдания и безнадежный смысл человеческой истории, должен услышать «революционеров» и принять участие в общем процессе прекращения истории. Христос в данном контексте начинает восприниматься как революционер, главный герой русской революции, универсальный образ ее целей и задач. Через сюжет Второго пришествия Христа формируется основная мысль художественной историософии Шарова – истоки и смысл русской революции заложены в основании русской жизни и истории, в их религиозности, утопичности и эсхатологичности.

Ключевые слова: В. Шаров, сюжет, художественная историософия.

Сюжет «Второе пришествие Христа» коррелирует с сюжетно-мотивным комплексом, куда входят «Апокалипсис», «Схождение во ад – исхождение из ада», «Труба архангела / труба смерти», «Видение Иезекииля», «Страшный суд», «Судный день», и относится к числу бродячих сюжетов, распространенных в европейской культуре. Он также является основным для сюжетов апокалиптической эсхатологии – это и Страшный суд, и чаяние мировой гармонии; осуждение грешников и торжество праведников; вечные муки в геенне огненной – и несказанное блаженство в раю; обрыв истории и начало метаистории – Новый Иерусалим, сходящий с Неба, новое небо и новая земля. Сюжет «Второе пришествие Христа»

Ащеулова Ирина Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики и русской литературы XX века Кемеровского государственного университета (ул. Красная, 6, Кемерово, 650043, Россия; asheulova@mail.ru)

включен в «Словарь-указатель сюжетов и мотивов русской литературы» [2003]. В качестве примеров воплощения сюжета в словарной статье приводятся в основном произведения первой половины XX в. (А. Белый «Возмездие» (1901), «Вечный зов» (1903), «Жертва вечерняя» (1903), «Безумец» (1904); В. Ф. Ходасевич «У людей» (1905), «Диалог» (1906) и др.). [Там же, с. 27–28]. Из современной литературы можно назвать романы Ч. Айтматова «Плаха» (1986), В. Тендрякова «Покушение на миражи» (1989), Б. и А. Стругацких «Отягощенные злом, или Сорок лет спустя» (1989), А. Слаповского «Первое второе пришествие» (1993), Б. Акунина «Пелагия и красный петух» (2003).

Романы В. Шарова могут не только дополнить данный контекст, но и продемонстрировать механизм присутствия сюжета «Второе пришествие Христа» в тексте, пути его воплощения и трансформации и функциональной значимости в зависимости от задач автора. Контекст нашего сообщения составят романы «Репетиции» (1992), «Мне ли не пожалеть...» (1995), «Воскрешение Лазаря» (2003).

В романе В. Шарова «Репетиции» сюжет Второго пришествия Христа представлен как процесс разыгрывания мистерии о жизни-смерти-воскрешении Христа, о всеобщем спасении после прихода Мессии. Мистерия в романе предстает и как драматическое действие о Спасителе, версия его тайной судьбы; и как тайна исторических событий, составляющих национальное действие, делание жизни людьми, пытающимися придать потоку общей жизни направленность и смысл, избавить погрязшую во зле реальность от греха. Таким образом, мистерия о Христе приобретает смысл метаисторического акта (проект верховной власти во главе с патриархом Никоном по реформированию русской жизни) и смысл экзистенциально значимого выбора между добром и злом (грехом) для каждого отдельного индивида, принимающего участие в репетициях.

В контексте метаисторического проекта мистерии как сакральному действию отводится роль главного события в будущем преображении Руси как единственно Святой земли, нового Иерусалима. Изображая земную жизнь Христа, мистерия должна была подвести ее зрителей к осознанию невозможности жить в греховном мире, то есть могла стать событием-предтечей, предвещающим новое пришествие Спасителя. По замыслу патриарха Никона, мистерия напечалит зрителей (от царя до обыкновенных людей) священные события, Благоую весть о возможности полностью изменить их жизнь, государство, судьбу человечества. Сущность мистерии, «содержательность» ее формы становится для патриарха веским аргументом в реализации «идеи третьего Рима, всеправославного единства, осуществить которое призвана Московская Русь – единственная хранительница чистого православия» [Виролайнен, 2007, с. 196]. Цель Никона – создание теократического государства, где равна власть государя и патриарха, этого он добивался при избрании на патриарший престол, эту цель преследует, стремясь средствами искусства внушить идею множеству людей, а в представлении мистерии видит свое место в исполнении роли Спасителя. Автор романа обнажает важнейшую черту верховной власти – революционное мышление, сознание своей силы, абсолютной воли, позволяющие использовать сакральные сюжеты для воплощения метаисторического проекта по укреплению влияния православного государства. В ходе репетиций, осуществляемых Никоном, можно увидеть фанатичную уверенность в собственной правоте, Христос не может не прийти в финале мистерии-спектакля, ибо не может не откликнуться на упования единственной богоизбранной власти.

В экзистенциальном аспекте воплощение и развитие сюжета о пришествии Христа обнажает индивидуальный выбор человека перед Богом, меру его ответственности за зло и грехи мира и возможность исправить мир, приблизить царство добра. Это актуально как для режиссера мистерии француза Жака де Сергана, так и для труппы, состоящей из неопитов, открывающих для себя слово Божие. И ход репетиций демонстрирует чудо преображения человека, начинающего понимать

слово Божье. Актеры не только механически учат слова Писания наизусть, но заново постигают законы Божьего мира, слышат Его зов, видят Его объемы. Чудо внушено не созерцанием реальности, созданной Богом, но игрой в скрытую, сакральную реальность, закреплённую в тексте Библии, в словах ролей, в которые «актеры» уверовали, сделали их целью своей жизни. Актеры становятся посвященными, достойными участвовать в мистерии как в сакральном действе. Они не сомневаются ни в подлинности слов, ими произносимых, ни в подлинности событий, ими воспроизводимых, слова «ролей» приобретают функцию поступка, совершаемого в определенный момент развертывания событий. Избирая игру смыслом жизни, актеры начинают путь служения будущему, спектакль становится реальностью, рождая канон в мире «секты», живущей своей идеальной жизнью, вне контекста истории государства. Пришествие Спасителя действительно происходит, пока идут репетиции, пока сильна вера человека в произнесенное им слово, каждое слово роли наполнено надвременным смыслом, каждый актер словесно делает выбор в пользу добра или зла, ситуация роли вторгается в реальную, бытовую жизнь. Зрители мистерии получали возможность отчетливо увидеть конечную борьбу добра и зла и выбрать ту или иную сторону. По мысли автора, подобное вопрошание Бога, следование Его слову как понимание смысла жизни, вера в спасение и преображение словом – отличительная черта русского национального сознания, готового воплотить в реальности Царствие Небесное собственными страданиями и усилиями.

Итак, в романе «Репетиции» сюжет «Второе пришествие Христа» позволяет автору приоткрыть логику русской истории, предстающей как два метаисторических проекта по переделке, реформированию жизни и реальности. В рамках проекта верховной власти в лице патриарха Никона сюжет жизни и воскрешения Христа приобретает значение общегосударственной идеи, стремления сделаться Новым Иерусалимом, Святой Землей, единственной страной истинной веры, куда Спаситель придет второй раз для свершения суда. В рамках же репетиций, осуществляемых на протяжении 300 лет после смерти Никона, сюжет становится народным осознанием своей избранности, веры в конец истории и наступления нового мира, торжества праведности над грехом. Народ готов страдать, нести истину, «учить роли» ради будущего торжества справедливости. Но, по мысли Шарова, общее нетерпение, недостаток веры, сомнение в сделанном выборе ведут к расколам, конфликтам, революциям в русской истории, обнаруживающей иррациональное, тупиковое, циклическое развитие. Конфликт истории открывается как трагический, то есть неразрешимый, не зависящий от намерений и действий людей, и в то же время вызванный неабсолютной истинностью намерений и поступков людей.

В романе «Мне ли не пожалеть...» исследуемый сюжет приобретает значение сюжетообразующего, объединяющего сюжетные развилки романа в единую проблему покаяния народа перед Богом в постоянном ожидании Страшного суда, конца истории. Можно утверждать, что в контексте сюжета «Второе пришествие Христа» происходит проверка не только общей готовности народа к судному дню, но и проверка индивидуальной готовности конкретного человека (сюжет Алексея Бальменова).

Русский народ предстает в образе хора «Большая Волга», спевки которого определяют направление политики «новой», советской России. Хор в романе является такой моделью верховной власти, которая позволяет объединить разобщенные «большинство» и «меньшинство», коммунистов, большевиков и народное подполье: эсеров, хлыстов, скопцов, христиан. В такой интерпретации вновь осуществляется авторская историософия – фантазмагорическое воплощение метаисторического проекта, общая направленность которого революционно-эсхатологическая: хор-народ творит революцию, новую реальность, новый мир без Бога, но при этом

всегда помнит о Его приходе, о возможности воскресения, об избавлении от первородного греха и обретении рая. Революция в эсхатологическом контексте приобретает значение такой же религии, как и христианство, создавая новый ритуал и его служителей: власть начинает осуществлять функцию Бога – карает и милует; чекисты становятся ангелами, возвещающими волю Господа (власти); священники могут претендовать на пост начальника следственной части, ведущего счет грехам; народ на исповеди не просто кается в совершенных грехах, но доносит на самого себя. Русская революция, создавшая страшный, злой мир, полный горя и страданий, показывала Христу, что час настал, конец истории свершился, и Он должен явиться народу. Эта идея неоднократно пропеваётся в партиях хора, свидетельствующего, что человек много страдал, готов покаяться и повиноваться, готов вернуться к Богу. Кульминационной точкой в развитии сюжета становится воплощение идеи о покаянии власти перед народом за свершенные преступления (например, за коллективизацию и Голодомор) и покаянии «народа власти» перед «народом веры». Этого, по мысли хора (правительства), хочет Бог, это условие прощения и спасения. Однако и эта идея не жизнеспособна, ибо виноваты все перед всеми, комбедовцы перед кулаками, кулаки перед «миром», партсекретари и партфункционеры перед всеми сразу, отделить «чистых» от «нечистых» невозможно, остается только сожалеть, как сожалел Господь о Ниневии. «Тогда сказал Господь: «Ты сожалеешь о растении, над которым ты не трудился и которого не растил, которое в одну ночь выросло и в одну ночь пропало. Мне ли не пожалеть Ниневии, города великого, в котором более ста двадцати тысяч человек, не умеющих отличить правой руки от левой, и множество скота?» [Шаров, 2013, с. 283]. В названии романа приведена дословная цитата из «Книги Пророка Ионы», отражающая милосердие Бога и нетерпение Ионы, неверие Ионы в истинность раскаяния жителей Ниневии. Таким же нетерпеливым и неверующим предстает в романе народ, требующий от Господа немедленного прихода, немедленной реакции на собственное покаяние.

С другой стороны, автор обращается к проблеме индивидуальной готовности человека не только к приходу Христа, но и к возможности повторить его путь, испытать крестные муки, спасти народ, заблудившийся в грехах и страданиях. Данная проблема решается в сюжете Алексея Бальменова (хлыстовского Христа).

С раннего детства на Алексея возлагали большие надежды. Скопческо-хлыстовская коалиция хора видела в нем воплощение Христа, даже было принято общее постановление «считать и зачатие, и рождение нового Иисуса Христа непорочным» [Там же, с. 156]. Такой непорочный, безгрешный, по прямой линии происходивший от Бога Отца хлыстовский Христос единственный мог возглавить будущую революцию. Такому «вождю, пронесшему, не расплескав, всю свою святость и теперь вновь готовому отдать жизнь во имя спасения погрязшего во зле человеческого рода» [Там же] ничего не смогли бы противопоставить другие партии и политические силы. Как видим, в политическом проекте скопческо-хлыстовской партии Алексей как воплощение Христа должен был не только повести за собой народ на революционный слом старой жизни, но и взять на себя грехи народа, освободив его от страданий и мучений Божьего наказания. Подобное отношение к судьбе Алексея характерно и для его матери Марии Бальменовой, в сознании (голосе, арии) которой борются два противоречивых начала. С одной стороны, она радуется приходу в мир Христа и возможности избавления мира и народа от греха и страдания. С другой стороны, она как мать не желает своему сыну крестной муки и мучается, страдает от тех последствий, что произойдут в результате его духовного подвига. «Дар творения был дан мне, и я сотворила, – пела Бальменова в другой раз. – Господа я сотворила, – пела она, – не кумира, а истинного Бога, Бога живого. <...> ...И тут же голос ее падал и она

скорбь вопрошала Христа: – Ты ли, Сын мой, Сын единственный, народ мой расколешь и развеешь и станет брат на брата?» [Шаров, 2013, с. 182]. Пока Алексей растет, у партии есть время для экспериментов и ошибок, Алексей в качестве Христа выступает как запасной вариант, возможность в нужный момент уйти от ответственности («В это время несколько скопцов вспомнили о сыне Бальменовой – Алексее, и на одном из заседаний ЦК было сделано предложение, сразу же единогласно поддержанное эсерами, что, возможно, он – Христос – согласится взять на себя и этот грех и тогда естественным путем возглавит Политбюро и страну на ее пути к спасению» [Там же, с. 241]). Но и для самого Алексея возможность стать Христом является индивидуальным экзистенциальным выбором на пути к спасению. Возможность эта предоставляется двадцатитрехлетнему Алексею в августе 1938 г., когда он попадает в Среднюю Азию на раскопки большого средневекового хорезмского городища Топрак-Кала. Здесь трижды его испытывают Высшие силы, как некогда истинного Христа, и трижды Алексей не решается выбрать предначертанный ему путь.

Первое испытание связано со смерчем. «Смерч, прежде подобно грандиозному водовороту затягивавший в себя все, что мог достать, теперь стоял напротив входа в палатку, там же, где Алексей, и как будто чего-то ждал. Алексей тоже ждал, не сдвигаясь и попытки отступить, убежать; ветер трепал его волосы, полы брезентовой куртки, и так они стояли друг против друга» [Там же, с. 247]. Смерч предстает воплощением Господа или его посланника (многочисленные огненные и облачные столпы, во множестве встречающиеся в текстах Библии и обнаруживающие присутствие Божества, Его милости или гнева), он является Алексею как знак возможного выбора, будущей судьбы, Алексей уверен, что это лестница, по которой он взойдет на небо. Алексей готов следовать за смерчем, готов к зову Господа, он идет за ним весь день, но смерч сам собой улегся, и Алексей остался в том же сомнении и неведении, в каком пребывал до этого происшествия. Можно предположить, что Алексей настолько неуверен в себе, в своих силах, что и Высшая сила не знает куда его вести и что с ним делать.

Второе испытание отсылает к евангельским искушениям Христа в пустыне во время сорокадневного поста. Алексею как бы вновь предоставляется возможность стать Христом, осуществить Второе пришествие. На вершине мраморной горы, где находится разрушенная крепость древних людей, Алексей ощущает приближение падшего ангела, который будет искушать его властью над миром. «Он знал, для чего все это, знал, что выдержав искушение, сможет пойти дальше по дороге Спасителя. Испытание, которое ему предстояло, не было для Алексея трудным, власть никогда его не прельщала, и все же он не стал никого ждать, вышел из крепости и ступенька за ступенькой начал спускаться» [Там же, с. 252]. Как видим, дело не в силе духа Алексея: он готов к испытанию и знает, что сможет его выдержать; но он вдруг понимает, что не сможет спасти всех, а только избранных, и не желает брать на себя ответственность за тех, кому уже ничем не помочь. Как бы ни был многообразен и прекрасен мир, открывающийся Алексею, его уже не спасти, он жалок и беззащитен.

Третье испытание связано с хождением по воде. Алексей, как Христос, идет по Амударьинской воде, и местные рыбаки ждут от него знака, слова идти за ним по пути спасения. Но хождение по воде не чудо (река обмелела из-за жары), и нужного слова нет: Алексею нечего сказать, ибо он не Христос. Из приведенных примеров видно, что не только народ в контексте социальных преобразований не может приблизить Второе пришествие, но и индивидуальный поиск спасения обречен на неудачу из-за скепсиса, сомнения, неверия в возможности преображения мира.

Итак, исходя из анализа разворачивания сюжета «Второе пришествие Христа» в романе «Мне ли не пожалеть...», становится очевидным, что авторское сознание

обнажает противоречивость русского национального мышления: активно участвуя в создании недолжной социальной реальности, народ-хор в то же время помышляет о Его приходе как конечном изменении мира. Пропев свою партию в хоре, покаявшись, осознав грех, каждый вновь возвращается к повседневной жизни и ее соблазнам. Шаров говорит об индивидуальной готовности каждого принять тот уровень внутренней жизни, о котором проповедовал Христос. Приведем высказывание Ф. З. Кануновой, как нельзя более точно характеризующее размышления современного писателя. Ссылаясь на В. А. Жуковского, ученый отмечает, что «вместе с Христом в мир приходит новое восприятие жизни человека, в основе которого идея пути нравственного и духовного жизнестроительства как важнейшей цели существования на земле» [Канунова, 2006, с. 76]. Сюжет Христа в мировой культуре оказывается ценен не способностью Христа быть Богом, т. е. творить чудеса, исцеляя больных и воскрешая мертвых, но тем, что он «будит совесть». По Шарову, каждый способен пробудить в себе совесть, обнаружить Бога, каждый может пропеть покаяние, но не каждый обнаруживает готовность не грешить более. Остается лишь пожалеть народ, который, изменяя реальность, перестает «отличать правую руку от левой». В этом противоречии отражается, с точки зрения писателя, трагедия русской революции и русской истории.

В романе «Воскрешение Лазаря» сюжет разворачивается через аллюзию Страшного суда, воспроизводимого в ситуации воскрешения «железного наркома» Лазаря Кагановича. Фантазмагоричность происходящего (Л. М. Каганович благополучно пережил всех сталинских наркомов и самого Сталина и умер в 1991 г.) символизирует эсхатологическое явление Христа, вторичный его приход. Акт воскрешения Лазаря инсценируется органами НКВД и приобретает смысл «малой революции», призванной срастить, соединить разобщенный политическими репрессиями народ. Победившая большевистская революция 1917 года, Гражданская война, расколовшая страну на два непримиримых лагеря, коллективизация, голод, репрессии, как следствие революции и политики верховной власти, действительно воспринимаются как «конец времен», конец нации. Страдания народа безграничны, чаша терпения переполнилась, Россия, как умерший Лазарь, ждет прихода Спасителя и воскрешения, но ирония автора в том, что функцию воскресителя берет на себя репрессивный орган власти.

Проект практического воскрешения разработан заместителем начальника НКВД, талантливым чекистом Ильей Спириным. Спирин считает, что стране необходима еще одна революция, еще одна гражданская война, которая отделит «чистых» от «нечистых», и тогда победа новой власти, нового строя будет окончательной. Перед лицом разгневанного народа, требующего расправы, чекист (начальник областного НКВД) начинал каяться и просить прощения, но тут же объяснял, что репрессии, которым подвергся народ, необходимы и оправданы, «без них невозможно искупление первородного греха человека, нового греха, который накопился уже после явления на землю и распятия Иисуса Христа. Поймите, мы убивали только тех, кто, быть может, и не сознавая, мешал сегодняшнему дню, мешал основной центральной задаче партии – воскрешению всех когда-либо живших на земле людей» [Шаров, 2003, с. 290]. пытки, издевательства, насилие, расстрелы необходимы для того, чтобы человек, как провинившийся Адам, полностью осознал свою вину, дал на себя исчерпывающие показания, чтобы затем быть воскрешенным и готовым к новой жизни. Таким образом, репрессивные меры 1930-х получают семантику инициации, нового рождения. Человек на следствии полностью осознает свой грех и вину и через смерть обретает право для новой, праведной жизни. Чекисты в этом смысле становятся единственными хранителями подлинных знаний о человеке, только они могут спасти и воскресить.

С точки зрения автора, в подобных практических проектах заключалась сила советской власти. Власть совпала с глубинными чаяниями народа о преодолении

зла и смерти в мире, которые ранее отразились и в утопических философских учениях, и в народной вере в конец страданий и приход Спасителя. Власть предложила достаточно быстрый способ переделки сложного и злого мира в простой и добрый рай. От человека требуется только следовать определенному порядку, быть «послухным», тогда он достоин воскрешения.

Однако, как и все утопические проекты, представленный проект воскрешения терпит поражение: якобы расстрелянный и воскрешенный «железный нарком» Лазарь Каганович пережил всех своих соратников и дожил до 1990-х гг., чудо оказалось фарсом, Спирин был расстрелян, советский миф рассыпался. С точки зрения автора, социальные и исторические чудеса абсурдны, потому что строятся на бессмысленных жертвах, повторях, тупиках. Лишенной смысла оказывается жизнь фанатиков идеи, утопии, они становятся не только творцами «чуда воскрешения», но и его жертвами, жертвами системы, выброшенными из реальности, пропавшими в лагерях, умершими и не воскрешенными.

Таким образом, революция как исторический эксперимент осмысливается Шаровым как недолжное историческое событие, в результате которого «никто в России не прожил жизнь так, как хотел» [Шаров, 2012]. В этом контексте отражение в романе «Воскрешение Лазаря» сюжета «Второе пришествие Христа» ставит для автора проблему восприятия истории как круга, тупика, бессмысленного повтора, где невозможен духовный идеал.

Таким образом, представляется, что актуализация сюжета «Второе пришествие Христа» позволяет В. Шарову из романа в роман воплощать собственную авторскую художественную историософию, состоящую, на наш взгляд, из нескольких концептуальных тезисов:

- Русская история открывается писателю бесконечно повторяющимися событиями, свершающимися в результате революционных реформ. Революция как метафора изменения, переделки реальности идет либо «сверху», от верховной власти, либо «снизу», от народного подполья. Национальная история периодически оказывается в состоянии «конца истории», «конца времен», она все время ждет или переживает апокалипсис и готовится ко Второму пришествию.
- В эсхатологическом ожидании нация обнаруживает тотальное нетерпение, приводящее к многочисленным социальным катастрофам (бунтам, гражданским войнам, смутам, репрессиям), и в метаисторическом плане приближающее всеобщий конец. Рукотворные страдания миллионов людей есть призыв Бога, ибо пока мир греха длится, человек не станет свободным, не изживет первородный грех – значит, нужно сделать апокалипсис своими силами, примеров чему в русской истории множество.
- Революция как образ религиозный в русской национальной жизни обнажает общий алгоритм развития истории – сотворение нового мира, Царства Небесного на земле самой властью или народом. Русская революция оказывается не феноменом, не исключением из общего хода прогрессивного развития, но сутью русской истории, пониманием нацией своего предназначения.
- Образ Христа в русской эсхатологической истории приобретает не только этико-экзистенциальный аспект: будит совесть, рождает покаяние и смирение, выступает нравственным мерилем поступка и индивидуального выбора, но в контексте русской революционности обнаруживает семантику идейного вдохновителя, борца. Слово Христа зовет человека как субъекта истории к активной деятельности: сделать мир более простым, избавить его от смерти («Общее дело» Н. Федорова); создать общество равенства, труда и счастья, изменить природу человека. Поэтому русская революция есть событие приближения к учению Христа, к его пониманию, к преодолению первородного греха, к свободе человека.

Список литературы

Виролайнен М. Н. Исторические метаморфозы русской словесности. СПб.: Амфора, 2007.

Канунова Ф. З. Сюжет Христа в русской живописи и литературе XIX века (некоторые проблемы) // Тема, сюжет, мотив в лирике и эпосе: Сб. науч. тр. / Ин-т филологии СО РАН; Отв. ред. Е. К. Ромодановская. Новосибирск, 2006. (Материалы к словарю сюжетов и мотивов русской литературы; Вып. 7).

Словарь-указатель сюжетов и мотивов русской литературы: Экспериментальное издание / Ин-т филологии СО РАН. Новосибирск, 2003. Вып. 1. С. 27–28.

Шаров В. Воскрешение Лазаря. М.: Вагриус, 2003.

Шаров В. «Мне ли не пожалеть...». СПб.: Лимбус Пресс, 2013.

Шаров В. «Премиями вдохновение не заманишь»: Интервью. Беседовал М. Шабашов // Частный корреспондент: Электронная газ. 2012. 10 апр. URL: http://www.chaskor.ru/article/vladimir_sharov_premiyami_vdohnoveniye_ne_zamanish_1562 (дата обращения 19.11.2015).

I. V. Asheulova

Kemerovo State University, Kemerovo, Russian Federation; asheulova@mail.ru

The plot of «The second coming of Christ» in the novels of V. Sharov

The most representative novels of V. Sharov are considered, in which the plot of the Second coming of Christ defines the poetics and the artistic historiosophy («Rehearsal», «And should not I spare...», «Resurrection of Lazarus»). The possibility of Christ's coming in a world filled to the brim with misery and death pushes people to the realization of utopian projects contributing to the illusory change of reality and history. Waiting for Christ's coming, the heroes of V. Sharov's novels make collective (a religious sect in «The Rehearsal», choir in «And should not I spare...»), or individual (Alexey Balmenov in «And should not I spare...», Kolbarsov's brothers in «Resurrection of Lazarus») dialogue with God in hope of understanding a single concept of being and its own destiny. In the novels of Sharov the driving force of history is the fanatical people's faith in the coming Paradise created with its own hands, its own suffering. Having heard and having seen these efforts, the suffering and hopeless sense of human history, God has to hear the «revolutionaries» and participate in the overall process of the termination of history. Christ in this context starts to be perceived as revolutionary, the main character of the Russian revolution, a universal image of its goals and objectives. Through the plot of the Second coming of Christ the basic idea of the artistic historiosophy of Sharov is formed – the origins and meaning of the Russian revolution are in the basis of Russian life and history, their religion, utopian and eschatological features.

Keywords: V. Sharov, plot, artistic historio.

DOI 10.17223/18137083/55/12